

К 250-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

В связи с двумя датами, двумя юбилеями — Академии наук СССР и Пушкина — целесообразно вспомнить об одном из значительнейших достижений советской филологической науки — академическом издании полного собрания сочинений Пушкина, рассказать об его длительной предыстории, о сложном процессе интенсивнейшей коллективной работы над ним, о накопленном богатом исследовательском опыте, очень важном для дела академических изданий писателей-классиков.

Мысль о необходимости полного, критически выверенного, наиболее точного — академического — издания Пушкина возникла более 80 лет назад, в конце 80-х годов XIX в., в преддверии столетнего юбилея рождения поэта. Академическое издание — издание Академии наук — разумелось не частным, коммерческим (как почти все бывшие до тех пор) и даже не общественным (как издание Литературного фонда 1887 г.), но научным прежде всего, осуществляемым и контролируемым высшим ученым центром страны. Первый том подготовлен был академиком Л. Н. Майковым и выпущен в 1899 г., а для продолжения издания после его смерти (1900 г.) была образована в составе II Отделения Академии наук Комиссия по изданию сочинений Пушкина.

Протоколы заседаний комиссии, публиковавшиеся в ее печатном органе «Пушкин и его современники», основанном в 1903 г. под редакцией «делопроизводителя» комиссии Б. Л. Модзалевского, наглядно показывают, с каким огромным трудом, ощупью, чисто эмпирическим путем, лишенным принципиальной продуманной основы, начиналось и шло академическое издание. Печальный пример I тома, который, несмотря на эрудицию и опытность его редактора, Л. Н. Майкова, вызвал резкую и справедливую критику за непродуманность текстологических приемов, приведшую к путанице и искажениям текстов лицейских стихотворений, — требовал выработки основных принципов и методов издания. Но и то и другое не было ясно тогда — и еще много спустя — академической комиссии и ее членам-пушкинистам (В. Е. Якушкину, П. О. Морозову, И. А. Шляпкину, П. А. Ефремову, Ф. Е. Коршу и др.). Не был выяснен и приведен в систему основной материал для издания — наличие рукописей Пушкина. Комиссия много сделала для выявления автографов Пушкина, его писем и писем к нему, но эта ее деятельность нередко встречала на своем пути различные препятствия, иногда неожиданные и даже непреодолимые.

Что касается принципов и методов издания, то в установлении их академическая комиссия оказалась по существу беспомощной, и эта беспомощность отражала состояние текстологии того времени, в частности со-

стояние пушкиноведения. Вот главные из положений, установленных с начала деятельности комиссии¹:

«В издание должно войти все написанное Пушкиным». В принципе это верно, но едва ли члены комиссии представляли себе все практическое значение этой краткой формулы, выполнение которой представляет до сих пор еще не преодоленные трудности.

«Издание текста произведений Пушкина должно быть основано на внимательном изучении рукописей поэта и первопечатных изданий». С этим общим положением нельзя не согласиться, но дальнейшее раскрытие его вызывает недоумения.

«Произведения, переписанные Пушкиным, должны быть изданы вполне согласно с его рукописями. Те стихотворения и прозаические статьи, которые не сохранились в рукописях (или «сохранились в виде черновых, не исправленных набросков»), «печатаются по изданиям, явившимся при жизни поэта». Из этого крайне неясного положения следует, что основным источником пушкинских текстов являются беловые рукописи, даже при наличии авторского (прижизненного) печатного текста. Но как печатать черновые тексты, не издававшиеся при жизни Пушкиным, остается неизвестным. Вероятно, чтобы устранить подобную неясность, в следующем протоколе (12 марта 1901 г.) записаны несколько измененные формулировки: «Текст должен представлять собою *по возможности* (курсив наш — *Н. И.*) авторскую редакцию (без издательских изменений) и притом последнюю, вследствие чего он будет основываться то на рукописях, то на печатных изданиях, без окончательного и последовательного предпочтения того или другого из этих двух источников, где представлен выбор между ними» (стр. IX).

Несколько позднее, в предисловии ко II тому издания, были сформулированы некоторые основные принципы его композиции: решено было, разделив все издание на три основных части — стихотворения, прозу, письма, «в отделе стихотворений держаться строго хронологического порядка, не распределяя пьес по родам поэзии», т. е. объединив стихотворения с поэмами и драматическими произведениями, в чем издатели видели, по странной аберрации, следование примеру самого Пушкина в издании 1829—1835 гг. «Стихотворения Александра Пушкина» (части I—IV); на самом же деле было далеко не так: в свое издание Пушкин не включил ни одной поэмы, а из драматургии — лишь две «маленькие трагедии» — «Пир во время чумы» и «Модарт и Сальери». Планируя свое будущее (так и не состоявшееся) собрание сочинений, он наметал два тома «повестей», т. е. поэм, два тома стихотворений, том с «Онегиным» и «Трагедией», т. е. «Годуновым», и, вероятно, прочими драмами, наконец, том «Прозы»².

Вместе с тем, признавая «основной задачей академического издания» «полноту» его, для чего необходимо «полное, по возможности исчерпывающее, пользование черновыми рукописями», Комиссия решила помимо основного текста отнести «часть черновых набросков, недоконченных, недописанных очерков, отрывков <...> в соответствующие места примечаний»; «все беловые, печатные варианты помещать при самом тексте, под строкой», а «все варианты черновых рукописей» — «в примечаниях в конце тома».

Единственным способом «подачи» черновых текстов были признаны транскрипции, а «первым образцом» транскрипций — «известная» книга И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (1903), т. е. книга, ставшая для текстологов нашего времени образцом того, как не следует читать и передавать печатно черновые рукописи. Но тогда это было действительно «последнее слово» текстологии.

¹ См. «Извлечения из протоколов заседаний Комиссии с октября 1900 по октябрь 1902 года». — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 1, СПб., Изд-во Академии наук, 1903, стр. VII—XXXII.

² См. «Рукою Пушкина», 1935, стр. 268.

Основания, заявленные в предисловии ко II тому академического издания, вышедшему в 1905 г., были полностью соблюдены его редактором В. Е. Якушкиным. Том содержал в общем хронологическом ряду стихотворные произведения 1818—1820/21 г.: «лирические стихотворения», «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник»; варианты и цензурные пропуски прижизненных печатных изданий отмечались под строкой; транскрипции черновиков, а также наброски, по мнению редактора, не представлявшие интереса или совершенно неотделанные, включались в примечания, что для крупных произведений очень затрудняло пользование и вариантами, и комментариями; притом эти транскрипции, представлявшие собой в большинстве отрывочные слова, заключенные в скобки, т. е. зачеркнутые или обозначенные многочисленными «неразб.» (т. е. неразобранные) были лишены смысла не только для читателей, но и для самого редактора.

Трудоемкость и громоздкость этой системы заставили уже при подготовке III тома издания пересмотреть ее и изменить. Об этом заявлено в предисловии к III тому, где читаем: «Комиссия, в интересах ускорения печатания текста и примечаний, признала соответственным транскрипцию всех черновых рукописей поэта выделить в особые дополнительные тома, которые должны быть изданы впоследствии...». Вследствие этого отсутствуют (и, по-видимому, не были подготовлены) основные черновые рукописи «Бахчисарайского фонтана», «Цыган» и ряда других произведений, однако же далеко не все: многие черновые — стихотворений, отдельных отрывков поэм, не вошедших в основной текст, для которых они «являются единственным оригиналом» или «помещение которых в примечаниях было существенным для уяснения тех или иных... вопросов», — вошли в том, но именно в тексте примечаний, что очень затемняет их картину и затрудняет изучение.

Еще более произвольная система расположения материала и транскрипции черновых рукописей была применена в IV томе издания, вышедшем в 1916 г. под редакцией П. О. Морозова. Здесь отбор публикуемых черновых текстов был сделан совершенно бессистемно: так, автограф «Графа Нулина» из Онегинского собрания напечатан полностью в отделе примечаний (стр. 215—227), но почти без вариантов, что скрывает работу над ним поэта; из другого, более позднего автографа Остафьевского архива приведены только варианты, но далеко не все³.

На IV томе, содержащем стихотворения, поэмы и драматургию 1825—1827 гг., оборвалась работа над последовательным изданием стихотворных произведений Пушкина. Тома V и VII, которые должны были его закончить, не были вовсе (насколько известно) начаты. Том VI («Евгений Онегин») остался в виде транскрипции черновых строф, подготовленной в рукописи М. Л. Гофманом. Эта рукопись хранится теперь в Пушкинском доме, но — что характерно — редактор онегинского тома (VI) в новом издании — Б. В. Томашевский не мог, точнее, не имел необходимости чем-либо воспользоваться в громадной работе Гофмана.

В 1914 г. вышел XI том старого академического издания — «История Пугачевского бунта» — под редакцией Н. Н. Фирсова, едва ли не худший из всех томов как по составу и подготовке текстов, так и по примечаниям редактора, вызвавшим тогда же резкую критику.

В 1928—1929 гг. увидели свет два полутома IX тома издания — «Историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки», под редакцией Н. К. Козмина, начатые набором еще в 1912 г.

³ Ср. отдел вариантов «Графа Нулина» в новом академическом издании — т. V, 1948, стр. 165—174, где варианты Онегинского автографа (ПД) и автографа Остафьевского архива (ОА), объединенные в порядке стихов, дают полную и ясную картину работы над ними Пушкина.

Кроме V, VI и VII томов издания, не были подготовлены тома VIII (романы и повести в прозе), X (исторические труды), а также XII, посвященный биографии Пушкина, написать которую должен был П. Е. Щеголев.

После запоздалого выхода IX тома, когда стала очевидной полная несостоятельность издания и бесцельность его продолжения, издание, а с ним и Пушкинская комиссия прекратили свое существование⁴.

С первых же лет после Октябрьской революции начинается новый период в истории пушкиноведения, в частности, в текстологии творчества Пушкина и принципах издания его сочинений. В 1919—1923 гг. выпускаются первые советские издания отдельных произведений поэта в сериях «Народной библиотеки» и ГИЗа, приготовленные А. Л. Слонимским, Б. В. Томашевским и др. по первоисточникам — прижизненным изданиям и автографам. Образцами критических изданий стали не печатавшиеся при жизни Пушкина «Медный всадник», «Каменный гость» (1919) и «Дубровский» (1923), в которых новое, внимательное прочтение автографов (хотя бы и без воспроизведения всех черновых вариантов) дало возможность очистить тексты от ошибок, цензурных и редакторских искажений, бытовавших в них около 80 лет.

В 1924 г. вышло первое издание «Сочинений» Пушкина в одном томе под редакцией Б. В. Томашевского — однотомник, который, расширяясь и совершенствуясь от издания к изданию, стал на много лет основным собранием сочинений Пушкина для советских читателей.

В эти годы наряду с пушкинистами старшего поколения — В. Я. Брюсовым, Н. О. Лернером, Б. Л. Модзалевским, М. А. Цявловским, П. Е. Щеголевым — стали выступать новые, молодые работники, большей частью из Пушкинского семинария Петербургского университета, руководимого С. А. Венгеровым. Стали выходить и их труды, посвященные историко-литературному, стиховедческому и текстологическому изучению творчества поэта, из которых нужно отметить вызвавшую широкую полемику книгу М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (1922), пафосом которой была борьба с редакторским произволом (в понятие которого Гофман неправоммерно включал и конъектуры), и много более содержательную, до сих пор сохранившую значение работу Б. В. Томашевского «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» (1925).

В этих и многих других трудах готовилась почва для нового академического издания сочинений Пушкина.

Но до осуществления его было еще не близко. В 1928 г. в Москве состоялось совещание пушкинистов, обсудившее вопрос о новом академическом издании и его возможностях. Так как Издательство Академии наук не могло принять на себя тогда нового издания (после заканчивавшегося IX тома, на котором остановилось старое), то было предложено осуществить в Госиздате издание в 12 томах академического типа (т. е. полное по составу, но без полного свода черновых вариантов и с самым кратким комментарием) и, кроме того, популярное издание в шести томах. Первое из этих предприятий не осуществилось, зато все внимание пушкинистов было обращено на второе, шеститомное, которое и было выпущено в 1930—1931 гг. в качестве приложения к журналу «Красная нива». Оно сыграло

⁴ В 1933 г. была учреждена новая Пушкинская комиссия, состоявшая при Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР и не связанная (помимо персональных связей) с академическим изданием. Комиссия имела свой непериодический орган — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», которого до войны вышло шесть выпусков в пяти томах (1 и 2 — 1936 г.; 3 — 1937 г.; 4—5 — 1939 г.; 6 — 1941 г.). После войны деятельность комиссии была прекращена, не возобновилось и издание «Временников» до образования новой комиссии и выпуска «Временников» ее под редакцией академика М. П. Алексеева по новой программе.

важную роль в подготовке будущего, академического в полном смысле, издания. Следует на нем подробнее остановиться.

Участниками издания, редакторами томов или отдельных произведений были почти все виднейшие тогда пушкинисты-текстологи — Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Н. О. Лернер, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, М. А. Цявловский, П. Е. Щеголев, Д. П. Якубович и др. Почти все они, кроме Лернера и Щеголева, умерших в начале 30-х годов, стали потом редакторами нового академического издания и перенесли в него знания и методы, выработанные в процессе подготовки «красноивского» шеститомника.

Главным в этом процессе было то, что редакторы, готовя издание, выявили и внимательно проштудировали все известные тогда и доступные первоисточники, рукописные и печатные, и на их основе заново пересмотрели все тексты, вошедшие в издание, установили их датировки, соотношения и порядок. Черновые варианты, кроме немногих важнейших, не были включены в издание. Но учет и пересмотр черновых рукописей, а также авторитетных списков, изученных М. А. Цявловским для установления текстов произведений (преимущественно политического характера), неизвестных в автографах и «презревших печать», сослужили громадную службу при позднейшей работе над академическим изданием, ускорили и облегчили ее.

Был установлен и общий план издания, распределение материала и порядок произведений по томам. Решительно отказавшись от принятого в старом академическом издании непродуманного и непоследовательного псевдохронологического (но якобы пушкинского!) порядка размещения стихотворных произведений, редакторы издания вернулись к пушкинским планам, упоминавшимся выше, и к изданию П. В. Анненкова (1855), с некоторыми отступлениями, вызванными соображениями издательской техники. Издание было построено по следующему плану: тома I и II стихотворения 1814—1836; том III — поэмы, драмы (в стихах и в прозе); том IV — «Евгений Онегин», повести и романы в прозе; том V — критика, история, автобиографическая проза; том VI — Путеводитель по Пушкину — коллективный труд, служащий комментарием к именам, понятиям и отдельным произведениям и расположенный в алфавитном порядке (несмотря на более чем 40-летнюю давность, он не потерял своего значения).

Этот общий порядок, с незначительными изменениями, сохранился и в следовавших за «красноивским» изданием собраниях сочинений, выпущенных издательствами «Художественной литературы» и «Academia». Принят он был как общая схема и в новом академическом издании.

В 1933 г., когда пройден был опыт изданий «Красной нивы» и ГИХЛ, состоялась в Пушкинском доме новая конференция пушкинистов, посвященная Академическому изданию. Возможность его была в принципе установлена и ясна; весь материал основных текстов, входящих в него и уже вошедших в издания 1930—1933 гг., учтен и отредактирован; выявлен в основном и материал черновых рукописей, не входивший в предшествующие два издания; заложены в виде «Путеводителя» основы будущего комментария. Главное же — скорейший приступ к Академическому изданию действительно требовался потому, что всего четыре года оставалось до столетней годовщины со дня гибели Пушкина — до 10 февраля (29 января) 1937 г. Академическое издание становилось не просто научно-издательским предприятием, хотя бы и очень важным, но делом государственным.

В чем же заключаются те основные принципы издания, которые должны были сделать его Академическим в полном смысле слова?

Прежде всего полнота. Но понятие «полноты» — если иметь в виду все письменное, творческое и нетворческое, наследие Пушкина — весьма сложно. Разумеется, Академическое издание должно заключать в себе все творческие произведения, а также все эпистолярные, мемуарные, служеб-

ные, деловые и иные документы нетворческого (в собственном смысле) характера — все, что теперь, соответственно сборнику, выпедшему в 1935 г., объединяется названием «Рукою Пушкина»⁵.

Позднее, в ходе изучения рукописей Пушкина, выяснилось, какое громадное значение имеют рассыпанные в них рисунки поэта для понимания множества вопросов его биографии и творчества, его настроений, мыслей, общественных и личных отношений, не говоря о художественных достоинствах этих беглых зарисовок. К сочинениям Пушкина прибавился в плане (как приложение) альбом репродукций его рисунков с полным их каталогом.

Сложность понятия полноты, обязательной для академического издания сочинений Пушкина, определяется некоторыми характерными чертами его творческого наследия: мы не знаем в русской, а быть может, и в мировой литературе поэта (или шире — писателя), который оставил бы столько набросков и отрывков задуманных и неосуществленных произведений всякого рода — лирических и эпических стихотворений, поэм, драм, повестей и романов, статей, исследований и проч. Иные из этих неосуществленных замыслов начаты и продвинуты, но не доведены до конца; из других остались лишь планы и первые страницы; третьи представляют наброски — по преимуществу стихотворные — в несколько отрывочных строк, требующих, однако, значительного труда для осмысления и истолкования. Самое существование этой массы набросков и неосуществленных замыслов является свидетельством необычайного богатства творческих сил поэта, обилия мыслей и образов, требующих выражения, являющихся в его сознании и вытесняемых другими, все новыми и новыми. И это неизбежно вызывает ряд трудностей, ряд спорных и далеко не всегда разрешимых вопросов, которые можно свести к двум основным родам: во-первых, наброски эти в большинстве случаев не поддаются точной или даже приближенной датировке, что заставляет редакторов от издания к изданию датировать их — и, следовательно, размещать — разным образом. Во-вторых, многие наброски представляются спорными по жанру: стихотворение ли это, или начало поэмы, или отрывок драматического монолога; одно и то же произведение, вернее, один и тот же текст в разных изданиях помещается в разных отделах, даже в разных томах. Задачей и непременным условием академического издания является поэтому тщательное изучение, проверка и сопоставление всех известных источников текста данного произведения и установление на их основании дефинитивного (окончательного) текста, принятого в качестве основного текста издания. То же относится и к вопросам датировки: дата (время написания) произведения, установленная со всей возможной точностью, должна быть также обоснована, хотя бы она и была предположительной.

Требование полноты, предъявляемое к академическому изданию, содержит еще одно, и, пожалуй, самое важное условие: в нем должны быть напечатаны все без исключения рукописные материалы к данному произведению — планы, выписки и проч., служащие для подготовки его, а главное, все черновые тексты, первоначальные редакции, варианты черновых и белых рукописей и прижизненных изданий (а также, в особых случаях, о которых упоминалось выше, варианты или разночтения авторитетных списков). Включение всего материала черновых рукописей имеет для издания сочинений Пушкина особое значение — и по количеству сохранившихся черновых, в большом числе случаев являющихся единственным источником текста, и по характеру пушкинских черновигов, представляющих, по меткому слову Б. В. Томашевского, «стенограмму творческого про-

⁵ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер (Цявловская). М. — Л., Academia, 1935. Этот сборник до сих пор является настольной книгой каждого пушкиниста.

цесса» и дающих огромный материал для истории замысла и создания произведений, для их понимания и интерпретации, для психологии творчества поэта.

Новое академическое издание могло быть подготовлено и выполнено только тогда, когда был выработан и установлен — трудами С. М. Бонди, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского и др. — новый метод прочтения, анализа и публикации черновых рукописей. К моменту, когда конференция пушкинистов 1933 г. обсудила основания будущего издания, этот метод был еще в процессе выработки, но общие принципы, на которых он основывался, были уже сформулированы и частично применены С. М. Бонди. Сущность нового метода сводится к следующему.

Черновая рукопись Пушкина всегда отражает движение его творческой мысли со всеми ее исканиями; это движение мысли особенно ярко выражается в черновиках стихотворных текстов. Задачей текстолога является не прочтение каждого отдельного слова и составление транскрипции, но уяснение замысла поэта в целом, общего направления его творческой мысли, проникновение — насколько это возможно — в последовательное ее движение, в котором путем искания, смены и отбора вариантов вырабатывается чтение, удовлетворяющее (на данный момент) художественным и смысловым требованиям автора. В конечном счете текстолог должен, пройдя все стадии творческой работы поэта, выделить последний слой черновика и в сносках к нему — последовательность предшествующих вариантов. Черновик не только прочтен, но и осмыслен — не по месту отдельных слов на листе, но во времени, по ходу работы над ним. В зависимости от характера рукописи эта система, очень гибкая и в принципе очень простая, может изменяться, что мы и видим в ряде черновиков стихотворений во II и III томах издания и в других его текстах. Разумеется, для применения такого метода текстолог должен обладать глубокими знаниями творчества Пушкина, его художественной системы, языка и стиля, умением определять сущность замысла в черновике, его связи с окружающим творчеством, с биографией поэта. Простой в своем окончательном виде текстологический метод, разработанный С. М. Бонди, ставит перед пушкинистом-текстологом очень высокие требования и очень трудные задачи. Но именно в этом методе едва ли не самое большое, самое новаторское и значительное достижение академического издания, достигнутое коллективом его участников в упорном и самоотверженном труде.

Все сказанное о полноте как условия академического издания, о разнообразии и сложности его материалов приводит нас к последнему и крайне важному его элементу, без которого издание, претендующее на звание академического, не может считаться ни полным, ни законченным. Речь идет о научном комментарии к каждому тому или разделу, мотивирующему его состав и расположение материалов, и к каждому (без исключения) произведению или документу («опусу», пользуясь выражением, введенным М. А. Цявловским). Размер, композиция и содержание комментария колеблются в зависимости от жанра, значения, размеров и сложности комментируемого произведения. Но общая его схема включает в себе три основных раздела: 1) текстологический, 2) историко-литературный, 3) реально-энциклопедический комментарий. Два последних раздела не требуют пояснений. Что касается текстологического комментария, то он должен содержать, помимо перечня рукописных и печатных источников с историей их опубликования, обоснование выбора основного текста с мотивировкой его отступлений от источников и обоснование датировки (хронологии) текста. Последним пунктом текстологического комментария является история замысла и создания произведения (его «творческая история»), связанная с историко-литературным и реальным комментарием. Два других — обоснование текста и обоснование датировки — имеют важнейшее и совершенно обязательное в академическом издании значение.

Через несколько месяцев после конференции 1933 г. было начато осуществление издания — по той полной и широкой программе, которую мы сейчас вкратце изложили. Времени для подготовки было очень мало — даже при условии коллективности и взаимной проверки всей работы.

Издание было рассчитано на 12 томов произведений и три тома переписки по следующей программе: тома I—III — стихотворения 1814—1836 гг., сказки; IV—V — поэмы; VI — «Евгений Онегин»; VII — драматические произведения (в стихах и прозе); VIII — художественная проза; IX — «История Пугачева», X, XI, XII — исторические, мемуарные, критические и публицистические произведения; записи «рукою Пушкина»; XIII, XIV, XV — переписка; приложение: рисунки Пушкина.

Во главе издания была поставлена Главная редакция в составе М. Горького, В. П. Волгина, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского.

Том I, содержащий лицейские стихотворения и требовавший большой работы над комментарием, выполнявшимся двумя редакторами — М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской), не мог быть скоро готов. Поэтому было решено подготовить и выпустить прежде всего VII том издания, посвященный драматическим произведениям и готовившийся целым коллективом.

Это был единственный том издания, составленный по намеченной сперва — полной — программе, т. е., помимо вариантов, с подробными комментариями к каждому произведению, не исключая отрывков и набросков.

Подготовка и выпуск его в первую очередь объясняются тем, что, во-первых, раздел вариантов в нем был сравнительно невелик и не требовал значительного времени, а во-вторых, комментарии к каждому произведению составлялись особым автором — специалистом именно по данному произведению или данному кругу вопросов. Распределялись его редакторы-комментаторы следующим образом (по алфавиту): М. П. Алексеев — «Моцарт и Сальери»; С. М. Бонди — «Русалка», «Сцены из рыцарских времен»; Г. О. Винокур — «Борис Годунов»; Ю. Г. Оксман — «Папесса Иоанна»; А. Л. Слонимский — «Вадим», наброски комедий; Б. В. Томашевский — «Каменный гость»; Н. В. Яковлев — «Пир во время чумы»; Д. П. Якубович — «Скупой рыцарь», наброски драм в прозе, введение к комментариям; ему же принадлежала общая редакция тома. Реально-энциклопедический комментарий не был выделен в особый, расположенный по страницам и строкам, раздел, но, дан по ходу изложения; вместе с тем большие выдержки из иноязычных произведений, послуживших источниками для пушкинских драм, приведены были в подлинниках и переводах (см. в особенности «Пир во время чумы»). В результате комментарии разрослись в обширные исследования, имевшие сами по себе большое значение.

Хотя за последующие 40 лет накопился новый большой фактический материал, дополняющий или меняющий сведения и представления по некоторым вопросам пушкинской драматургии, такие части комментария, как история создания и текста, напр., текстологический комментарий Г. О. Винокура к «Борису Годунову» (стр. 385—436), остаются в своем роде классическими образцами и по существу, и по форме. Однако резкая диспропорция между объемом текста самих произведений Пушкина и комментирующих их исследований, приводившая к тому, что издание походило скорее на сборник научных статей, вызвала обоснованную критику. Скромная внешность тома (формат, переплет, бумага) не соответствовала значению издания, выпускаемого к столетию со дня смерти поэта. Чрезмерный объем комментариев внушал к тому же опасения, что подготовка издания затянется, а между тем до памятной даты оставалось немногим более года. Поэтому издание такого типа было решено прекратить.

Создан был во главе с М. Горьким Редакционный комитет нового издания, в который вошли Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, являвшийся на протяжении всего издания заведующим редакцией, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и Д. П. Якубович. Каждый том, помимо редактора тома и редакторов отдельных произведений, имел контрольного рецензента; каждый спорный вопрос текста, датировок и т. п., в особенности, каждое отступление от прижизненного печатного текста, обсуждались всеми редакторами, и это придавало изданию подлинную коллективную, какой, конечно, не было в старом академическом издании, несмотря на существование специальной Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Академии наук.

В работе над изданием в разные годы приняли активное участие М. П. Алексеев, Г. П. Блок, В. В. Виноградов, В. В. Гиппиус, Н. К. Гудзий, Г. А. Гуковский, Т. Г. Зенгер-Цявловская, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович, И. Н. Медведева, Б. С. Мейлах, Л. Б. Модзалевский, П. С. Попов, А. Л. Слонимский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, Н. В. Яковлев и др. Было решено вместо развернутых комментариев дать о каждом (без исключений) произведении или опусе краткую источниковедческую и библиографическую справку, с указаниями на источник текста, по которому последний печатается, и на дату, точную или приближенную, или предположительную, когда произведение написано; выделить комментарий в особую серию томов, о чем было сказано в предисловии «От редакции» к I тому: «Настоящее издание является публикацией одних текстов Пушкина без какого бы то ни было комментария редакторов. Прилагаемые к текстам примечания содержат только перечни источников <...> и указания на время написания произведения. Все вопросы, связанные с обоснованием текста, датировкой, с доказательством принадлежности Пушкину печатаемых в отделе *Dubia* стихотворений⁶, являются предметом особой комментаторской работы, неотъемлемой от изучения творческой истории произведения, т. е. истории создания и работы Пушкина над данным произведением в свете идеологических, исторических, историко-литературных и биографических фактов. Подобного рода комментарий издается в виде особой серии трудов Редакционной коллегии издания. <...> В настоящем издании дается лишь результат подобных исследований, без его мотивировки»⁷ (разрядка наша.—Н. И.).

По этому новому плану, ограниченному текстами с вариантами и короткими справками без всяких мотивировок, были в течение 1936 г. переработаны и допечатаны уже набранные тома I (ред. М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер), IV (ред. С. М. Бонди) и VII (ред. Д. П. Якубович), выпущенные в январе — феврале 1937 г. — в памятные пушкинские дни. Вслед за ними в том же 1937 г. вышли VI (ред. Б. В. Томашевский), VIII, кн. I (ред. Б. В. Томашевский) и XIII (ред. Д. Д. Благой) тома. При этом надо особо остановиться на VI томе, целиком занятом «Евгением Онегиным» и отредактированным единолично Б. В. Томашевским, проделавшим очень большую работу. Черновые рукописи «Евгения Онегина», никем до тех пор не изученные (если не считать работы М. Л. Гофмана — «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“, 1922), были разбросаны — притом в полном «беспорядке», отрывками, в разных местах — по семи «рабочим тетрадным» в фонде Библиотеки им. Ленина и на 20 отдельных листах в собрании Пушкинского дома; перебеленные, с многочисленными поправками автографы отдельных глав, числом 11, — в собрании ленинградской Публичной библиотеки и в других местах. Весь этот громадный и сложный мате-

⁶ Почему *Dubia* только стихотворения? Дубиальные тексты есть и в других разделах издания, например статьи, напечатанные без подписи в «Литературной газете» и приписанные Пушкину, письма и проч.

⁷ Акад., т. I, 1937, стр. XIII. Предисловие «От редакции» помечено: «Москва, 31 января 1937 г.».

риал надо было подобрать, осмыслить, систематизировать по главам и строфам, прочесть и срочно подготовить к печати, что исследователем и было успешно осуществлено.

Таким образом в результате напряженной работы в течение 1937 г. было выпущено пять томов издания. Но уже тогда стало очевидным, что даже по облегченной, неполной программе, без комментариев, издание вследствие непредвиденно большого количества вариантов в таких разделах как стихотворения 1817—1836 гг. (т. II и III), повествовательная проза (т. VIII), «История Пугачева» (т. IX), критико-публицистическая и мемуарная проза (т. XI—XII), превзойдет намеченные размеры и придется ряд томов делить на два полутома или две книги каждый. Так и было поступлено с томами VIII («Романы и повести. Путешествия») и IX («История Пугачева»): первые их полутома, содержащие основные тексты и начало вариантов и материалов, вышли в 1938 г., вторые — в 1940 г.

Том VIII не содержал в себе почти ничего нового, кроме некоторых вариантов и, главное, ранней редакции XI главы «Калитанской дочки», открытой незадолго до того Б. В. Томашевским, который извлек ее из давно известной, и, казалось бы, обследованной рукописи⁸. Напомним, что в этой ранней редакции Гринева, узнав о бедственном положении Марии Ивановны, попавшей в руки Швабрина, и получив от генерала Р. решительный отказ помочь его невесте, отправляется по собственной воле в ставку Пугачева просить его о помощи, что, как позднее заметил Пушкин, явно противоречило бы концепции образа Гринева — верного присяге офицера, почему он и переработал главу.

Наиболее интересны в смысле новых, неизвестных или неизданных текстов, тома IX кн. 2 (1940, ред. В. Л. Комарович) и X (1938, ред. М. А. Цявловский).

Том X содержит подготовленную П. С. Поповым и впервые полностью напечатанную «Историю Петра», т. е. сохранившиеся 23 тетради из 32, существовавших в момент смерти Пушкина. Полная их публикация, вместе с материалами дополняющих их копий, явилась большим событием в пушкиноведении, вызвавшим ряд откликов в печати. Но и здесь отсутствие научного комментария очень затруднило понимание предсмертного труда Пушкина, и лишь много позднее исследование И. Л. Фейнберга раскрыло все значение «Истории Петра»⁹.

Почти столь же интересен IX том, отредактированный В. Л. Комаровичем и содержащий «Историю Пугачева»; во 2-й книге, вышедшей в 1940 г., опубликованы материалы, собранные Пушкиным из разных источников для этой «Истории». Редактор старого академического издания «Истории Пугачевского бунта» Н. Н. Фирсов оставил их без внимания, не желая утруждать себя сложными текстологическими разысканиями. В. Л. Комарович, тщательно собрав весь материал из фондов Ленинской библиотеки, Пушкинского дома, Публичной библиотеки и других мест, систематизировал его и ввел впервые в научный оборот. Громадный алфавитный указатель (135 стр.), составленный Г. П. Блоком, представляет собой своего рода замену комментария. Можно сказать с уверенностью, что только теперь, после работ Комаровича и Блока, явилась твердая почва у исследователей пугачевской темы в творчестве Пушкина¹⁰.

В те же предвоенные годы стала развиваться работа над комментариями к сочинениям и письмам Пушкина — в расчете на будущую серию, обещанную редакцией. Обширные комментарии к лицейским стихотворе-

⁸ См. Акад., т. VIII, кн. 1, 1938, стр. 343—350; кн. 2, 1940, стр. 888—893.

⁹ См. Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. М., «Сов. писатель», 1955 и след. издания, дополнявшиеся автором. Последний, однако, склонен преувеличивать художественную законченность работы Пушкина о Петре Первом.

¹⁰ На основе IX тома построено исследование: О в ч и н н и к о в Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»), выпущенное Пушкинской комиссией АН СССР (Л., «Наука», 1969).

ниям (т. I) были написаны М. А. и Т. Г. Цявловскими, к переписке Пушкина за 1813—1827 гг. — Д. Д. Благим с привлечением большой группы специалистов-литературоведов и историков. Были прокомментированы редакторами некоторые из поэм IV и еще далекого от завершения V (ред. С. М. Бонди) томов. К концу 1940 г. было уже собрано значительное количество комментариев. Но ни один том из «особой серии трудов Редакционной коллегии», обещанной в предисловии «От редакции» к I тому, так и не вышел. Отрывки из некоторых комментариев были напечатаны во «Временнике Пушкинской комиссии» и других изданиях; иные сохранились в рукописи у их авторов; третьи, наконец, — и прежде всего завершённые комментарии к переписке Пушкина — были утрачены вследствие обстоятельств военного времени. После войны вопрос об «особой серии трудов» уже не поднимался.

К началу 1941 г. почти вся редакторская работа по изданию была закончена, выпущены (хотя и малыми тиражами) вторые книги VIII и IX томов, другие были в производстве. Последние листы второго тома переписки Пушкина (том XIV, 1828—1831, ред. Н. В. Измайлов) были подписаны к печати 20 июня 1941 г.

Фашистское нашествие и последовавшая за ним блокада Ленинграда нанесли серьёзный ущерб изданию и задержали его завершение. Блокада лишила его двух видных участников — В. В. Гиппиуса и В. Л. Комаровича, погибших в Ленинграде¹¹. Со смертью В. В. Гиппиуса остались без редактора XI и XII тома, материал которых к тому же очень пострадал от блокадных условий. Вскоре после завершения войны, в 1947 г., скончались Г. О. Винокур и М. А. Цявловский.

Многие тома, сданные в печать еще до войны, потребовали, как только позволили обстоятельства (в Москве, с августа 1943 г.), усиленных трудов для приведения их в порядок перед новой сдачей в производство, в особенности от М. А. и Т. Г. Цявловских, редакторов II и III томов стихотворений. Оба эти тома принадлежат к наиболее трудоемким в издании; оба они так разрослись от обилия вариантов и большого числа и объема примечаний, что потребовали деления каждого на две книги.

После окончания войны работа над изданием вступила в завершающий период и стала входить в норму. Однако приближение 150-летия со дня рождения Пушкина потребовало ускорения темпов работы и это оказало отрицательное влияние на последние тома издания.

К началу 1949 г. оставались еще не выпедшими пять книг: вторые полутома обоих томов лирики (II и III), последний том переписки (XVI) и, наконец, XI и XII тома.

Переписка еще до войны была перепланирована: сначала она предполагалась в трех томах, и потому XIII том был увеличен двумя годами (1826—1827); затем — вследствие ошибочных расчетов — было решено дать ее в четырех томах и для этого сократить на два года XIV том (кончить его 1831-м годом вместо 1833-го); но уже после этого оказалось, что на два тома недостаточно материала, однако менять было уже невозможно, и эти два тома — XV (ред. Д. Д. Благой и Н. В. Измайлов) и XVI (ред. Д. Д. Благой), особенно первый из них, получились гораздо меньше других.

Несколько слов о V томе — втором томе поэм, выпедшем в 1948 г. Когда он был уже почти весь отпечатан, случайно в Отделе рукописей библиотеки им. Ленина нашелся листок с автографом Пушкина, переданный туда отдельно от других рукописей сыном поэта А. А. Пушкиным. Листок удалось ввести в текст «Медного Всадника». Он содержал несколько стихов из мечтаний Евгения в I части поэмы и позволил значительно

¹¹ Еще раньше, в 1940 г., скончался после длительной болезни один из основных участников издания — Д. П. Якубович. Подготовленный им лишь наполовину XIV том (Переписка, 1828—1831) пришлось кончать другому редактору — Н. В. Измайлову. Том печатался в первые месяцы войны, а вышел в свет уже после нее.

улучшить текст, печатавшийся до тех пор во всех изданиях (кроме отредактированных П. Е. Щеголевым) без этих строк, вычеркнутых самим Пушкиным в основном источнике текста — писарской копии, пересмотренной поэтом. Это одна из замечательных находок нашего времени¹².

Наиболее сложным остается вопрос о томах XI—XII. По первоначальному плану три тома—X, XI, XII — должны были содержать «Литературно-критические, исторические и публицистические статьи и заметки, автобиографическую прозу. Записки официального назначения. Выписки и записи разного содержания»¹³. Затем, так как «История Петра» и две другие исторические статьи (записки Морозе-Бразе и Камчатские дела) заняли весь X том, а критико-публицистические и автобиографические статьи, отнесенные в XI том, явно в одной книге не вмещались, предполагалось разделить XI том на две книги, а в XII перенести автобиографические материалы, дневниковые записи и то, что мы называем «Рукою Пушкина». Но к началу войны XI том, редактировавшийся В. В. Гиппиусом и Б. М. Эйхенбаумом, не был готов, а к XII вообще не приступали. За время войны материалы XI тома очень пострадали. На смену В. В. Гиппиусу основным редактором тома стал Б. В. Томашевский, которому пришлось формировать том (с помощью многих сотрудников) заново по довоенному плану. Но юбилей 1949 г. приближался, XI том еще не был готов, XII («Рукою Пушкина») — только собирался — и тут решением руководства Издательства АН СССР предложено было вместо двух книг XI тома разделить его материал между обоими томами — XI, назвав его «Критика и публицистика, 1819—1834», и XII, под названием «Критика (1835—1837)». Автобиография <и разные заметки и записи, наброски и планы разных годов>. В таком виде эти два тома (ред. В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум) были напечатаны в 1949 г. Что же касается раздела «Рукою Пушкина», занимавшего по прежнему плану более половины XII тома, то он был «незаметно» изъят из издания, — и это изъятие явилось самой тяжелой и досадной утратой, понесенной изданием в самом конце работы над ним и невозполнимой. О содержании этой утраты будет сказано ниже.

Через 10 лет после окончания издания был выпущен в 1959 г. еще один, дополнительный, или «Справочный» том, подготовленный С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской. Он содержит дополнения ко всем 16 томам — 20 книгам (по новым материалам, обнаружившимся после окончания основного издания, а также тексты, случайно в нем пропущенные), исправления ошибок в текстах и примечаниях, некоторые добавления из отдела «Рукою Пушкина». Чрезвычайно ценным и нужным элементом тома являются сводные указатели, занимающие большую часть его. Будучи значительно подробнее и точнее указателей ко многим томам, эти указатели имен, произведений Пушкина и его переписки служат в известной мере заменой отсутствующих комментариев.

Этим заканчивается история нового академического издания сочинений Пушкина, растянувшаяся более чем на четверть века. В заключение остается сделать некоторые выводы.

Значение издания очень велико и выходит далеко за пределы пушкиноведческих интересов. Впервые собрано в нем все собственно литературное творческое наследие Пушкина (о нетворческой его части будет сказано дальше). Впервые к каждому, даже незначительному, казалось бы, произведению, к каждому наброску применены строгие, подлинно академические методы установления текста и датирования по всем рукописным и печатным первоисточникам. Впервые опубликованы две такие крупные, первостепенного значения вещи, занявшие полных два тома, как, во-первых, материалы к «Истории Пугачева», собранные и обработанные Пуш-

¹² См. Б о н д и С. М. Новый автограф Пушкина. В кн.: «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 11, М., 1950, стр. 134—146.

¹³ Акад., т. I, 1937, стр. IX.

киным (том IX, кн. 2), и, во-вторых, подготовленная им, а местами и написанная как куски законченного произведения, «История Петра». Главное же, применен и проведен через все издание новый, оригинальный, смелый, но научно обоснованный и объективно-значимый метод чтения, анализа и публикации черновых (и также, конечно, беловых) автографов, разработанный трудами С. М. Бонди и его товарищей по изданию. Этот метод под скромным названием «Другие редакции и варианты» раскрыл перед нами (насколько сохранились материалы) всю историю творческой работы поэта, новый, неведомый мир творчества Пушкина, до тех пор неизвестный и приводивший в отчаяние ученых редакторов, как это было в старом академическом издании. Мы знаем теперь, что в принципе нет такого сложного и запутанного черновика, который не мог бы прочесть опытный текстолог, умеющий в меру своих сил и пользуясь своими знаниями, «следовать за мыслями великого человека», как сказал Пушкин о своем любимом герое — Петре Первом. Этот метод вошел теперь в практику всех академических изданий — сочинений Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и др. — и он составляет главное, замечательное достижение нашего издания Пушкина.

Но обратимся теперь к его недостаткам. Во-первых, это отсутствие комментариев и, во-вторых, отсутствие всей нетворческой части пушкинского наследия — того, что принято называть «Рукою Пушкина».

Об отсутствии даже минимальных комментариев, в которых обосновались бы выбор текста и его датировка, как о недостатке говорилось и писалось не раз. Их сознавали и сознают все, кому приходится обращаться к академическому Пушкину, но большой объем работы, потребовавшей бы целого редакторского коллектива для подготовки серии томов, вызывал постоянно сомнения в возможности такого предприятия и заставлял откладывать его год от году.

Другой недостаток академического издания, о котором упоминалось выше, его неполнота. Многие тексты Пушкина не творческого и не эпистолярного характера изымались из соответствующих томов в расчете на их помещение в прежний XII том вместе с текстами «Рукою Пушкина». Но последние были из XII тома при перепланировке его с XI изъяты, и вместе с ними исчезли из издания многие тексты, совершенно необходимые и печатающиеся в других, неакадемических изданиях. Важнейшие из «исчезнувших» текстов таковы.

Записка о Мицкевиче, поданная Пушкиным в III Отделение 7 января 1828 г. о разрешении польскому поэту и другу выехать в Польшу¹⁴; записи народных песен и сказок; переводы песен на французский язык; альбомные записи; надписи на книгах — дарительные и др.; списки стихотворений для изданий и планы изданий своих сочинений; протоколы лицейских годовщин; показания по делам об отрывке из «Андрея Шенье» и о «Гавриилиаде»; заметки, выписки и конспекты для предполагаемых произведений и т. д. Этот краткий и далеко не полный список показывает, сколь многого и очень существенного не хватает в издании. Разумеется, это не значит, что надо перепечатать весь сборник «Рукою Пушкина». Но немало текстов из него должно было бы войти в издание.

Такова история, таковы достоинства и недостатки академического издания сочинений Пушкина, — издания, которое выбором и подготовкой текстов, установлением их датировки отразило высочайший уровень советского академического пушкиноведения и на долгие годы осталось и остается эталоном текстологической работы.

¹⁴ Такого же рода записка о возвращении рукописей сотнику В. Д. Сухорукову, написанная в 1829 г. для направления в III Отделение, напечатана в Справочном томе (XVII, 1959, стр. 70—71) как «пропущенная» в отделе «Деловых бумаг» XIV тома. Очевидно, в обоих случаях пропуск был сознательным, в расчете на XII том.

*Известия
Академии наук СССР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

**серия
литературы
и языка**

ТОМ 33

1974

